

ГЛАВА ВТОРАЯ

Снаружи храм казался пустым. Колонны, шире и вдвое выше дубовых стволов, отбрасывали тень на мраморные ступени; легкий ветерок приносил едва уловимые ароматы розмарина и жимолости.

— Я подожду здесь, — сказал Фалес, поставив сумку на землю и присев рядом.

— Ты не пойдешь со мной внутрь?

— Я не могу, дитя мое. Ни один мужчина не может войти в храм Афины. Но я буду ждать тебя тут, чтобы узнать твою судьбу.

Медуза взошла по ступеням храма.

Изнутри он походил на пещеру. Сотни свечей озаряли стены. Чувствуя, что дрожит, Медуза направилась к ним.

— Надеюсь, ты трясешься не от страха, — промолвил голос из теней. Женский голос.

Медуза остановилась.

— Ну, разве чуть-чуть.

Женский смех эхом отразился от стен комнаты, звучный и переливчатый, словно звон хрусталя:

— Будем надеяться, скоро мы положим этому конец.

В этот миг будто зажегся свет. Ибо когда женщина вышла из тени, сама тень исчезла.

— Моя Богиня, — Медуза пала ниц, и от резкого удара о камень ее пронзила вспышка боли, — прости меня.

Афина покачала головой. Ее блестяще-серые, полные раздумий глаза напоминали отполированный мрамор. Сотни тысяч мыслей клубились в них. Светлая кожа рук сияла, словно кинжал, висевший в ножнах у нее на боку.

— Мне не за что тебя прощать. — Она протянула Медузе руку. — Поднимись, прошу.

Все еще со склоненной головой, Медуза встала, сдержав страх, едва не поглотивший ее. Несмотря на этот страх, от которого дрожали колени, она отчаянно хотела хоть мельком увидеть силу, что стояла перед ней. Находиться рядом с Богиней — мечта любого смертного.

Будто узнав об этом желании, Афина взяла Медузу за подбородок и подняла его. Ее касание словно морская вода: свежесть, ласкающая кожу, столь желанная, но и своенравная. По позвоночнику

Дитя Афины

Медузы пробежал холодок. Плоть, касающаяся ее, была похожа на человеческую не больше, чем пыль — на пламя. Афина, крепко ухватив, поворачивала голову девочки то налево, то направо. Все это время Медуза оставалась неподвижна и податлива. Она проходила через это бесчисленное количество раз с тех пор, как ей исполнилось восемь, с каждым годом все чаще и чаще. Некоторые мужчины давали взятки под видом подарков, прежде чем сделать предложение о браке. Некоторые опускались до лжи под видом обещаний или пытались договориться, что их братья женятся на сестрах Медузы, когда те достигнут нужного возраста, «хоть они и понеувзрачнее». Кто-то фыркал и усмехался, пытаясь сделать вид, будто смотрел на что-то обычное, даже обыденное; но это была лишь игра, ведь у них у всех имелись глаза, а видели они то, что достойно руки божественного скульптора.

Медуза позволила Богине изучить себя; ее серые глаза оставались сосредоточены и неподвижны, пока она ощущала постоянное давление на коже, сильное и уверенное. Когда Афина опустила руку и шагнула назад, на лице Медузы не отразилось ни удовлетворения, ни разочарования. Только смирение.

— Скажи мне, дитя, — правая рука Афины покоилась на кинжале, — как думаешь, зачем твой отец привел тебя сюда? К Богине. Неужели он считает, что здесь сиротский приют? Место, где дети

попрошайничают, визжат и набивают животы, околачиваясь в моих стенах? — Ее голос сочился насмешкой. — Может, он думает, я убежище для всех бедняков и бездельников, кто не смог поднять косу и прокормить свою семью? Или я здесь ради тех женщин, которые боятся мужского возбуждения? Вот почему ты здесь, не так ли? Мне этого стоит ожидать: ханжи, крестьяне и бездельники будут осквернять мой храм?

Медуза, не двигаясь, проговорила:

— Я здесь не для того, чтобы осквернить что-либо, моя Богиня.

— А что тогда? Почему ты здесь? Ты хочешь принести себя в дар мне? — Она рассмеялась. Жар ее бессмертия пылал у самого лица Медузы. За несколько мгновений сравнительная легкость в голосе богини сменилась горьким, более грубым тембром, гудящим в воздухе, как громовые раскаты перед бурей. — Принеси себя в дар мужчинам Афин, Медуза. Они заплатят более щедро, чем я. Твое лицо, твоя юность — ты можешь сама назначить себе цену... — Она пропустила локон волос Медузы сквозь пальцы. — Разве это тебя не прельщает? Только представь, какую жизнь ты купишь. Жизнь для своих сестер. Ты глупа, если не задумываешься об этом.

Афина прищурилась.

— Почему ты не защищаешь себя, дитя? Говори. Покажи, как ты рассуждаешь. Может, я не твоего отца видела у храма? Может, ты незаконный

Дитя Афины

ребенок, который преследует его в кошмарах, — она изогнула губы в кривой усмешке, — или же ты преследуешь его совсем не в кошмарах? Может, ему пришлось отослать тебя прочь, потому что идеальные кудри и растущая грудь искушали его слишком сильно? Может, путешествие сюда было шансом, о котором он мечтал. Шансом заполучить тебя себе. В конце концов, у вас есть деньги. Вы могли останавливаться на лучших постоянных дворах по пути, но вместо этого ночевали под открытым небом. Почему твой отец пожелал оставить тебя при себе, дитя? Может, поклонники, которые приходили к тебе, разочаровались бы в твоей чистоте?

Сердце Медузы часто забилося, но она сжала челюсти, отказываясь отвечать на подначки Богини. Но она не могла держать язык за зубами вечно, и это понимала. Богиня отнюдь не славилась терпением, и вскоре молчание будет принято за дерзость. Но оскорбления ее говорить не заставят. Гробовую тишину нарушила одинокая трель зимородка, который не проникся серьезностью момента.

— Говори, дитя! — Афина опять провела длинными пальцами по волосам Медузы. Ее голос снова смягчился, в глазах светилось одобрение. — Я желаю услышать твои слова. Я столько слышала о твоём голосе. И ты так долго добиралась сюда. Очень, очень долго.

Впервые с тех пор, как она вошла в храм, Медуза почувствовала груз пути и огромную тяжесть

задачи, которая стояла перед ней. На подошвах ног заныли волдыри и царапины.

— Мы можем сесть, если хочешь. — Афина заметила нерешительность в ее глазах. — Ты, должно быть, устала.

— Ты Богиня, — сказала Медуза, не обратив внимания на ее предложение. — Ты знаешь, что по дороге не было постоянных дворов, как и несправедных действий. И знаешь, почему я здесь.

Афина соединила кончики пальцев. Ее светлая кожа засияла, отбрасывая блики.

— Итак, убежище? Вот в чем дело, я права? Твой отец пожелал, чтобы я взяла на себя его ношу. Одевать тебя, кормить, разрешать тебе пользоваться моими богатствами. Почему ты молчишь? — Она подняла брови, и на ее лбу, обычно закрытом шлемом, собрались морщины. — Ты права, я наблюдала за тобой, дитя. Я видела, как ты срезала языком, будто лезвием, людей вдвое старше тебя. Видела, как ты продавала отцовский виноград вдвое дороже, чем он стоит, тем, кто точно может себе это позволить, только чтобы потом отдать заработанное другим безо всякой выгоды. У тебя есть слова, дитя; не меньше слов, чем в целой библиотеке. Почему ты не хочешь их использовать?

Взгляд Медузы был тверд. Уважителен, но тверд.

— Потому что, моя Богиня, ты видела меня. Ты знаешь, на что способен мой язык. Что моя рука может сделать, соткать и испечь. Ты видела мое

сердце, мою волю, и сердца и волю моих родителей и сестер тоже. Какие бы слова я ни произнесла сейчас, в этот миг, они не повлияют на то, что со мной случится. Ты Богиня. Если бы ты хотела, ты помешала бы нашему путешествию десять раз или даже больше. Ты этого не сделала. Теперь хоть слово, хоть дюжина. Я не верю, что богиня покарает или помилует человека из-за одного-единственного поступка, когда у него за спиной их тысяча и сотня тысяч впереди. Ты приняла решение до того, как я ступила на камни этого храма. Все, что я жду, — услышать его.

Афина шагнула назад. Кинжал на поясе сверкнул ярче прежнего. Вышитая по подолу ее одеяния змея зеленой вспышкой обвилась вокруг лодыжек. Стук сердца в груди Медузы участился: сероглазая богиня сощурилась, черты ее лица снова заострились, а голос зазвенел:

— И ты думаешь, я решила принять тебя? — насмешливо спросила она. — Из всех девочек, что предстают передо мной, что выстраиваются в очередь с полными руками подношений, считаешь, я приму именно тебя?

— Этого я не знаю, — произнесла Медуза с рассудительностью, не свойственной ее возрасту. — Как знать, ты можешь сразить меня и вышвырнуть на улицы Афин еще до темноты. Тогда так тому и быть. Я знаю, что не мне менять решение могущественной Афины. И знаю, что глупо даже пытаться.

Афина обошла девочку кругом — еще один ритуал, в котором Медузе уже приходилось принимать участие. Она держала голову ровно, плечи прямо.

— Итак, ты мудра? — сказала Афина.

— Для ребенка, — ответила Медуза.

Губы Афины приподнялись в намеке на улыбку.

— Мудрость — это только часть меня. Часть моего храма. Что насчет войны? Что ты знаешь об этом? — Она остановилась. — Ты никогда не стояла на поле битвы. Никогда не зажимала павшему распоротый живот, слыша, как его дыхание постепенно слабеет и исчезает. Тебя никогда не переполнял запах крови, когда вокруг звенят клинки и раздаются крики, желающие тебе гибели. Чем ты можешь быть мне полезна? Ты дитя. Ты нежна и слаба.

Медуза облизала пересохшие губы розовым дрожащим языком. Ее глаза устремились вверх: недостаточно, чтобы встретиться с глазами Богини, но очень близко.

— Это правда, — детский голос Медузы прозвучал медленно и задумчиво, — я не стояла на поле битвы. Я не из дочерей Спарты, рожденных со знанием, насколько тяжел меч и как с ним управляться. Я не знаю войны, но бывала в битвах. Битвах во имя моей семьи, когда первый поклонник пришел за мной, а мне было всего восемь. Битвах, когда не позволила мужским рукам

Дитя Афины

шарить там, где они чувствовали себя вправе, и отказалась прогуляться вниз по тропинке или в оливковую рощу. Я знаю битвы, что вела, стоя на ярмарке и требуя, чтобы мужчины смотрели не на мою грудь, глаза или ноги, а на плоды, которые я продавала. Это действительно были не кровавые битвы, но они все же битвы. Битвы, где я сражалась и побеждала.

Афина отступила от девочки. Сияние вокруг нее поблекло и смягчилось.

— И эти войны, что ты вела, — сказала она, проводя рукой по кинжалу, — думаешь, они закончатся, когда ты войдешь в мой храм? Когда станешь моей жрицей?

Впервые после того, как Медуза покинула дом, она растянула губы в широкой улыбке. Но в мерцании ее глаз не светилась радость. Оно было темным и пустым, и родилось не при ее жизни, но в тысячах жизней до этой. В жизни ее тети, тети ее тети, бессчетными поколениями, затерянными в далеком прошлом.

— Эти битвы, — сказала она, — не заканчиваются никогда.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

